

Новый год Твейн и Шанайа провели в больничной палате. В то время Твен находился в критическом состоянии, и ни у одного из них не было настроения праздновать.

Он оставался в больнице в течение месяца и, наконец, получил разрешение Стэнли Мейера на выписку в конце января.

Когда новость о его предстоящей выписке стала достоянием общественности, у входа в больницу Королевского колледжа врачей снова образовалась толпа. СМИ со всего мира устремились туда, чтобы получить снимок Тони Твена, поскольку это было его первое публичное появление после госпитализации. Репортеры заготовили для него вопросы на месяц вперед. Легко было представить, какие сцены развернутся у входа в больницу.

Чтобы не доставлять неприятностей больнице, не мешать ее работе, не подвергаться преследованиям репортеров, когда его выпишут, а также потому, что Твену нравится выступать против СМИ, даже если он страдает от болезни сердца, он выбрал неожиданное время для своей выписки: 1 час ночи.

Само собой разумеется, что в соответствии с графиком, который был опубликован больницей для общественности, его выписка должна была произойти немного позже в 9 часов утра.

Бумажная работа, необходимая для его выписки, была завершена уже давно. Когда пришло время выписки, он шел к выходу под аккомпанемент Шанайи.

Все вокруг, будь то фасад или боковая часть больницы или улицы, было пустынно в час ночи.

Холодная температура на улице была ниже нуля градусов по Цельсию и могла превратить воду в лед. Не было репортеров, которые бы ждали у входа в больницу в таких условиях только ради того, чтобы сделать снимок Тони Твена.

Они успешно избежали репортеров, выбрав это время. У входа в больницу они пожали друг другу руки и поблагодарили Стэнли Мейера и других сотрудников больницы, которые заботились о Твене в течение последнего месяца, после чего спокойно покинули помещение.

Они не вернулись в дом, расположенный по адресу No.

Брэнфорд Гарден Лэйн, 13. Вместо этого они поехали прямо в модный район рядом с Кружевным рынком, где Шанайа ранее купила дом.

В отличие от прежнего места жительства Твена, этот дом не был так хорошо известен СМИ. Твену не пришлось долгое время беспокоиться о том, что репортеры будут ждать его в засаде у дверей дома.

Смена места жительства была заранее оговорена доктором. Стэнли Мейер хочет, чтобы Тони Твен спокойно восстанавливал силы в течение этого периода времени после выписки. Твен не должен делать или заботиться о чем-то еще, кроме выздоровления. Это означало, что он должен держаться как можно дальше от средств массовой информации. Если СМИ действительно хотели узнать последние новости о Твене, они могли позвонить Пирсу Броснану, потому что он был бы более чем счастлив играть роль "представителя Тони Твена" по всем вопросам, связанным с Твеном.

В доме не было газет, связанных со спортом. Телевизор тоже никогда не переключался на спортивные каналы.

Твен должен тренироваться по полчаса каждый день, бросить пить и курить, а также выработать регулярный режим дня - рано ложиться спать и рано вставать...

Здесь он должен начать жить совершенно новой жизнью.

Медицинский персонал, специально нанятый Шанайей, тоже приступил к работе, и тогда Шанайа наконец-то смогла отвлечься от всего и отдохнуть.

В мгновение ока прошел еще один месяц.

В конце февраля Шанайа опубликовала на своем официальном сайте сообщение, в котором поблагодарила поклонников за их заботу, а также назвала дату своего возвращения - оно состоялось во время весенней Недели моды в Милане.

То, как она упорно откладывала ряд своих дел, неожиданно привело к тому, что она потеряла большинство своих брендов и некоторую популярность. При этом не имело значения, по какой причине она отказывалась от работы. Модельная индустрия очень конкурентна и жестока, и ей снова придется начинать с самых низов, даже если раньше она была супермоделью.

Она должна усердно работать на подиуме и вернуть себе поддержку и популярность, которые она потеряла благодаря своим способностям.

Твен немного волновалась, сможет ли Шанайа вернуться на вершину, но Шанайа выглядела полной уверенности и борьбы.

Она была в хорошем расположении духа с тех пор, как ее отношения с Твеном были тщательно подтверждены. Ни одна из проблем, с которыми она сталкивалась на работе, больше не имела для нее значения.

Если бы не тот факт, что Твен в настоящее время не отличался хорошим здоровьем, она, скорее всего, уже давно отдала бы ему свое тело...

Когда наступил март, Шанайа начала усердно тренироваться для предстоящего подиумного шоу и была очень занята работой. Уход за Твейн, как правило, оставался в руках мужчины-медсестры по имени Альберт Дуглас.

Если говорить о мистере Дугласе, то это был человек, которого Шанайа специально выбрала после многочисленных проверок. Он был добросовестным человеком, который очень скрупулезно относился к своей работе. Вначале его добросовестность мучила Твена, но вскоре Твен понял, что единственный выход - сдаться перед человеком, который был еще более упрямым, чем он. Таким образом, он стал послушным и прислушивался к каждому слову, которое говорил мистер Дуглас.

Заставляя себя бросить курить и пить, Твен испытывал душевную и физическую боль. Только после месяца упорства он понял, что может спокойно спать, не думая о сигаретах и алкоголе.

Однако в глазах Твена самое лучшее в мистере Дугласе не связано с его профессиональным отношением к работе или достижениями в качестве медбрата, а скорее с тем, как он умеет готовить настоящие испанские блюда!

После его приезда Твейн, безусловно, все это время была в восторге.

Попробовав блюда мистера Дугласа, Шанайа была вынуждена отказаться от своих

романтических идей накормить Твена домашней едой.

Дни проходили спокойно. Каждые 10 дней Твен ходил на обследование в больницу под аккомпанемент Дугласа.

Каждый его визит был сдержанным, и он не стал бы много говорить, даже если бы его поймали репортеры. То, как он надевал солнцезащитные очки и вытягивал лицо, делало его похожим не на футбольного менеджера, а на кинозвезду, которая надувает губы.

Отзывы, которые он получал в больнице, с каждым визитом становились все лучше и лучше, и время между осмотрами тоже удлинялось.

Обе операции - одна по лечению болезни сердца и вторая по установке кардиостимулятора - также прошли успешно.

В последний день марта Твен снова посетил больницу для очередного обследования.

После осмотра Мейер спросил его: "Мистер Твен, почему на этот раз я не слышу ваших разглагольствований о своей жизни? Вы всегда говорили о том, что ваша медсестра слишком строга к вам, и что попросить вас бросить курить и пить - это все равно что попросить у вас жизнь, верно? Почему в этот раз ничего из этого не прозвучало?"

Твен усмехнулся, выглядя очень гордым собой. "Я уже давно бросил курить и пить. Полностью".

"Это определенно то, с чем вас стоит поздравить, мистер Твен. Именно так, есть ли в вашей жизни сейчас какие-то области, к которым вы не привыкли?"

Твен немного колебался, затем потрогал свой нос и сказал: "Я заставил себя держаться подальше от футбола в течение трех месяцев, но я все еще не привык к жизни без него".

Стэнли Мейер улыбнулся, кивнув головой. "Я тоже не думал, что ты привыкнешь. Вообще-то, я думаю, вам пора возвращаться к прежнему образу жизни".

Твен сначала не понял, что сказал Мейер, поэтому на мгновение застыл на месте. Когда слова, наконец, оформились в его сознании, он был весьма удивлен. "Вы имеете в виду, что я могу снова начать работать?"

Мейер покачал головой. "Нет, я не это имел в виду, мистер Твен.

Я хотел сказать, что... Ваше сердце сейчас в полном порядке, так что вы можете начать приводить себя в порядок, но вы все еще не можете вернуться к работе... В общем, я хочу, чтобы вы начали готовить свое сердце к будущему, когда вы вернетесь к работе".

Твен был слегка удручен его словами, но быстро вернул себе оптимизм. "Это тоже работает. По крайней мере, теперь я смогу знать, на каком месте находится Форест..."

Мейер был немного удивлен. "Ты все еще не знаешь?"

"Я до сих пор не просмотрел ни одной вещи, связанной с футболом. Как я могу знать?"

Мейер вздохнул, услышав слова Твена. "Я подумал, что, может быть, вы все-таки узнаете кое-что о нынешнем положении вашей команды. Я не думал, что ты действительно полностью вычеркнешь "футбол" из своей жизни".

"Если я сказал, что сделаю, значит, сделаю". Твен считал, что для мужчины вполне естественно быть верным своим словам.

"Что ж, полагаю, это хорошо, что вы не в курсе". Мейер снова улыбнулся. "Узнать самому всегда лучше, чем узнать от кого-то другого. Кроме того, мистер Твен, с этого момента вы можете не приходить на осмотр так часто. Вам достаточно приходить раз в полгода. Как и полагается 40-летнему человеку. Вы выздоровели гораздо быстрее, чем я ожидал".

Твен был очень рад услышать его слова. Только заболев, начинаешь понимать, насколько важно здоровье. Теперь, когда он заболел, ему больше всего хочется услышать от других не пожелания успехов в работе или процветания в будущем году, а пожелания крепкого здоровья.

Они попрощались с Мейером и вскоре вышли из больницы. Дуглас пошел на стоянку за машиной, а Твен стоял на обочине и смотрел на газетный киоск напротив него.

Перед черным газетным киоском было выставлено пестрое множество газет и журналов.

Однако Твен не перешел дорогу, чтобы купить газеты, за то время, которое понадобилось Дугласу, чтобы проехать перед ним на белом джипе Mercedes.

Он мог бы сделать вид, что ему очень хочется узнать новости, связанные с "Ноттингем Форест", когда он разговаривал с Мейером, но теперь, когда у него действительно появился шанс узнать все самому, он струсил. Он очень волновался по поводу новостей, которые ему предстоит узнать, потому что подозревал, что команда выступает не очень хорошо, даже если он до сих пор ничего не слышал.

Ситуация и так была катастрофической, когда он был главным, и он не думал, что Данн сможет справиться с работой лучше него и переломить ситуацию. Если бы Данн мог, то, конечно, он не выиграл бы ни одного матча за то время, когда он принял на себя командование, когда Твен был отстранен на три матча.

Нетрудно было представить, в каком затруднительном положении окажется "Ноттингем Форест", учитывая, что у них нет денег на покупку игроков и они внезапно потеряли своего менеджера.

Ноттингем Форест" был командой, которую Твен лично создал с нуля. Он был хорошо знаком с каждой областью, каждым компонентом и каждым человеком в команде. Он мог сказать, что команда не показывала хороших результатов даже с закрытыми глазами.

Тем не менее, он чувствовал, что его сердце не полностью готово к тому, что должно произойти... Он боялся, что новости, которые он увидит в тот момент, когда купит копию газет, будут новостями о команде, которые не могут стать хуже.

Если бы это произошло, Твена, скорее всего, пришлось бы повторно госпитализировать. Однако обморок прямо перед больницей значительно облегчает ситуацию, к тому же у него может появиться шанс убедиться в мастерстве имплантированного в него кардиостимулятора, работающего на ядерной энергии, и узнать, достаточно ли он мощный, чтобы позволить ему достичь кульминации.

Дуглас остановил машину у обочины и вышел из нее, чтобы открыть Твену дверь. Он понял, что взгляд Твена прикован к газетному киоску на противоположной стороне улицы.

"Вам нужно, чтобы я купил для вас несколько экземпляров газет, мистер Твен?".

Твен покачал головой и сел в машину. "Нет, в этом нет необходимости. Сейчас еще не время".

□□□

После работы в Милане Шанайа вернулась с рекламой от трех всемирно известных брендов. Ее способности, популярность и средства мистера Фасала позволили сделать ее поездку в Милан прибыльной.

Когда она узнала, что сердце Твена в порядке, она пришла в такой восторг, что тут же объявила, что собирается привезти дядю Тони в Бразилию на каникулы!

Твен был ошеломлен. Он понимал, что есть только одна причина, по которой они могут поехать в Бразилию на отдых. Как они могли не встретиться с родителями Шанайи, если они были в Бразилии?

Как он должен поступить в ситуации, когда познакомится с ее родителями? Даже если Шанайа настаивает, что не позволит родителям вмешиваться в ее личную жизнь, он все равно чувствует себя неловко...

Он все еще помнит сцены, когда он в последний раз встречался с ее родителями. Было ясно, что родители Шанайи относятся к нему как к другу, который может позаботиться об их дочери в Британии. Однако во время их следующей встречи его статус должен был измениться с "опекуна" на "будущего мужа вашей дочери"...

Такой разрыв не каждый мог легко принять.

Однако он не мог найти в себе силы отвергнуть предложение Шанайи, видя, как она взволнована. Все, что он мог сделать, это заставить себя взять с собой несколько предметов летней одежды, а также свою сиделку Дугласа, который был очень добросовестным, умел готовить, водить машину, был готов делать все без жалоб, никогда не говорил глупостей и был очень покорным.

На следующий день они втроем вылетели из Великобритании в Рио-де-Жанейро.

□□□

Как и в прошлый раз, когда он был в Бразилии, Твен увидел родителей Шанайи, ожидавших у аэропорта, как только они вышли из самолета.

Шанайа оставила Твена позади и бросилась к родителям, как только увидела их. Ее действия были похожи на действия ребенка.

С другой стороны, Твен неловко стоял позади их дочери, а Дуглас стоял рядом с ним с торжественным выражением лица.

Как ему следует обращаться к ее отцу?

Может быть, обращаться к нему как к "Брюсу Тенорио"? Не звучит ли это слишком отстраненно? В конце концов, я парень их дочери...

Или, может быть, обращаться к нему "папа"?

Хватит шутить! Мы с ним одного возраста... Более того, я еще не женился на Шанайе, это просто неуместно!

Просто называть его Брюсом? Так он обращался к нему раньше.

Но... Неужели я должен обращаться к нему так фамильярно?

Пока Твен погрузился в свои мысли, Брюс Тенорио уже протянул ему руку. "Рад видеть, что у вас все хорошо, мистер Твен".

И вот он протянул руку и осторожно пожал руку Тенорио. "Спасибо за заботу, мистер Тенорио. Прошло некоторое время..." Выражение его лица и тон, которым он говорил, были немного неестественными.

Однако Тенорио, казалось, не возражал. Далее он протянул руку Дугласу, стоявшему позади него.

"Здравствуйте, мы впервые встречаемся, мистер Дуглас. Я отец Шании, Брюс Тенорио".

Дуглас полусерьезно пожал ему руку.

Он не был здесь главным актером и, естественно, его не волновало, что думает о нем Тенорио.

Твен посмотрел на Шанайю, которая бесконечно лепетала в объятиях матери. Это был единственный момент, когда он почувствовал, что все трое похожи на семью. Шанайа действительно была их дочерью, а они действительно были родителями Шанайи.

Все они обычно заняты своей собственной жизнью и встречаются лишь несколько раз за год, поэтому Твену свойственно забывать о существовании родителей Шанайи.

Те, о ком забывают, доставляют больше всего хлопот...

Отсутствие энтузиазма у мистера Тенорио подсказало Твену, что эта поездка в Бразилию не будет для него легкой.

Солнечный свет. Волны. Пальмы. пляж.

Красивые женщины в бикини... По сравнению с отдыхом в такой стране я бы предпочел сидеть в своем сыром и холодном доме в Британии и смотреть повтор футбольного матча...

Тенорио улыбнулся при виде Шанайи на руках у матери. "Ладно, давай оставим разговоры на потом, Джорди".

Только тогда Шанайа отпустила свою мать и вернулась к Твену. Она протянула руку и обхватила Твена за плечи.

Твен все еще был немного скован, когда осторожно последовал за Шанайей в машину. Он не забывал наблюдать за реакцией ее родителей и понял, что ни мать, ни отец Шанайи, похоже, не были расстроены жестом Шанайи.

Тогда Твен вздохнул с облегчением.

Шанайа прижалась к нему, когда они сидели на заднем сиденье машины. Твен вдруг почувствовал, что все это время вел себя слишком трусливо. Почему он не может вести себя

так, как в прошлую их встречу, улыбаться и шутить? Почему в этот раз он ведет себя так сдержанно, почти как человек ведет себя, когда встречается кого-то старше себя?

В отличие от него, Шанайа ничего не скрывала и крепко держалась за Твена, как осьминог. Она почти не обращала внимания на Дугласа, который сидел рядом с ними и вел себя как третье колесо.

Казалось, она хотела показать родителям, насколько далеко зашли ее отношения с дядей Тони.

□□□

По дороге домой и Тенорио, и его жена проявили беспокойство о здоровье Твена. Они задали ему несколько вопросов о его проблемах с сердцем, но атмосферу в машине все равно можно было назвать дружеской.

Как только они приехали в дом Шанайи, каждый из них начал располагаться в своей комнате. Шанайа осталась в своей собственной комнате, а Твен делил гостевую комнату с Дугласом, чтобы Дугласу было легче ухаживать за Твеном.

После того как они устроились в своих комнатах, Дуглас предусмотрительно вышел на балкон, чтобы полюбоваться пляжем Копаканы, оставив остальных четверых в гостиной.

В Твене сработали красные флажки. Он знал, что сейчас произойдет решающий момент.

Мать Шанайи, Жизель Тенорио, посмотрела на свою дочь. "Джорди, разве нет чего-то, о чем ты должна рассказать своим родителям?"

Шанайа надулась и снова переплела свою руку с рукой Твейн. "Я думала, что уже все достаточно ясно объяснила".

Твен чувствовал, что не может произнести ни слова в подобном семейном разговоре. Он был почти как декорация, которую можно увидеть в театре. Единственное, что ему нужно было сделать, это показать, как глубоко они любят друг друга, и... держать рот на замке, пока его не попросят говорить.

Отец Шанайи, Брюс Тенорио, открыл рот, чтобы заговорить. "Честно говоря, я не очень удивлен таким развитием событий". Он повернулся к своей жене, нежно положив свою руку на ее руку. "Наша Джорди всегда была уникальным ребенком. Она никогда не играла с мальчиками своего возраста. Я до сих пор помню, как спросил ее, почему. Знаете, что она ответила? Она надулась и сказала: "Они слишком детские"! Ха-ха!"

Г-н Тенорио не мог сдержать смех, когда рассказывал о Шанайе в детстве.

"Я никогда не забуду, как выглядела Джорди в девятилетнем возрасте, когда она произнесла эти слова. У нее был серьезный и недовольный взгляд". Бруно Тенорио перевел взгляд на Шанайу. "Мы смотрели то интервью, которое ты дала в Голливуде, Джорди. Мне больше нечего сказать. Это вопрос, который касается только тебя. Никто из нас не вмешивался в то, чем ты занималась в детстве. Мы всегда давали тебе как можно больше свободы, и мы намерены делать это и впредь. Ты имеешь право выбирать, кого любить или не любить. Мы с мамой никогда не встанем на твоём пути".

Твен облегченно вздохнул, услышав его слова, и его тело, которое все это время было

скованным, тоже расслабилось.

Шанайа почувствовала изменение напряжения в теле Твена. Она подняла на него глаза и улыбнулась, выглядя очень довольной тем, как все обернулось.

"Однако твоя мама все еще очень расстроена тем, что ты не позвонил и не сказал нам, что влюбился в кого-то, Джорди". продолжил Тенорио.

Шанайа усмехнулась. "Но я привезла его, чтобы вы оба увидели! На самом деле, у меня есть еще кое-что на уме. Я планирую выйти замуж за дядю Тони в этом году!".

На лицах обоих родителей было написано недоумение по поводу того, что только что сказала Шанайа.

Одного взгляда хватило Твейн, чтобы понять, что родители не ожидали ее слов.

Похоже, еще не время расслабляться...

"Ты не можешь этого сделать!" Отказ Жизель вырвался из ее уст без долгих раздумий. Улыбка, которая время от времени появлялась на ее лице, исчезла раз и навсегда.

"Жорди, я надеюсь, ты сможешь пересмотреть это". У ее отца, мистера Тенорио, тоже было торжественное выражение лица.

"Я так и знала..." Шанайа пожала плечами и вздохнула. "Вы двое даете мне свободу принимать решения только по мелочам. Ты всегда будешь делать это, когда дело касается чего-то важного".

"Джордана." Голос ее отца быстро стал холодным. "Мы можем согласиться на твои отношения с мистером Твеном, но это не значит, что мы согласны на твой брак. Брак - это серьезный вопрос. Как ты можешь так легко принимать решение?".

"Шанайа, если ты выйдешь замуж так рано, что будет с твоей модельной карьерой? Или с твоей карьерой в Голливуде? Понимаешь ли ты, чем должна пожертвовать женщина, выходя замуж?". Эти слова прозвучали из уст матери Шанайи.

Твейн вспомнила, что мать Шанайи в прошлом тоже была моделью. Однако после свадьбы с отцом Шанайи она ушла из модельного мира и с тех пор редко появляется в СМИ.

Шанайа однажды сказала, что в роду ее матери течет китайская кровь, и, похоже, это правда. Есть определенные традиционные взгляды, от которых просто трудно избавиться...

Шанайа упрямо не желала сдаваться. Ее упрямая сторона снова начала выходить на поверхность.

"Если у меня есть свобода влюбиться в того, в кого я хочу, то почему у меня нет свободы выйти замуж за того, за кого я хочу? Я хочу выйти замуж за дядю Тони в течение этого года. Я прекрасно знаю, какие последствия это может иметь для моей работы. Я не ребенок, который ничего не знает!".

Твен не удержался и закашлялся, заметив, что радостное настроение, которое было у них раньше, вот-вот рассеется. "Простите... Вы не возражаете, если я скажу несколько слов? В конце концов, я сыграл определенную роль в этом..."

Все трое обратили на него свои взгляды.

Твен почесал голову, затем сказал: "С чего бы мне начать? Если честно, я только три месяца назад по-настоящему понял, кого я любил. Я немного туповат, когда дело доходит до таких вещей... Но Шанайа любит меня уже пять лет, с самой первой нашей встречи. Любовь, которая между нами, очень особенная. Поначалу я относился к ней как к младшей, и иногда называл себя ее "суррогатным опекуном" в Британии. В конце концов, я старше ее на 22 года... Я не могу уйти от этого факта. Я просто... - он посмотрел на Бруно Тенорио, - младше вас на несколько лет, мистер Тенорио. То, что мы сейчас вместе, само по себе чудо, особенно после того, как я пережил болезнь сердца и такое важное событие в своей жизни. Шанайа оставалась рядом со мной на протяжении всего этого, даже в ущерб своей поддержке. Я не религиозный человек, но за это я могу только благодарить судьбу".

"Я думаю, что могу понять ваши переживания и беспокойство, но в то же время я могу понять и чувства Шанайи. 9 сентября этого года я отпраздновал свой сороковой день рождения. Половина моей жизни прошла, и я больной человек. У меня имплантирован кардиостимулятор с ядерным питанием. Я не знаю, когда я вдруг... снова засну. Для Шанайи я - человек, живущий в постоянной опасности. Она не знает, когда потеряет меня навсегда, и точно так же я не знаю, когда потеряю ее.

Таким образом, для нас обоих каждая минута, которую мы можем провести друг с другом, кажется исключительно драгоценной. Мы не можем терять ни минуты, ни секунды. Причина, по которой Шанайа так отчаянно хочет выйти за меня замуж, заключается в том, что она хочет дорожить настоящим".

"Шанайа любит меня, а я люблю Шанайу. В этом нет никакой проблемы. Для такого человека, как я, который уже однажды умер, нет ничего, что наполнило бы меня большей уверенностью, чем проснуться и увидеть, что человек, которого я люблю, все еще рядом со мной. Вы оба не сможете представить, насколько я дорожу всем, что есть в моей жизни сейчас... Возможно, вы даже скептически относитесь к чувствам, которые я испытываю к вашей дочери. Правда в том, что я не знаю, сколько еще лет мне осталось жить, но в одном я уверен... И это то, что до самой смерти мои чувства к Шанайе никогда не изменятся".

Шанайа в шоке смотрела, как Твен передавал свои самые глубокие чувства. Даже когда они были одни, дядя Тони всегда вел себя так, будто он старший, и редко был так откровенен в своих словах. Она подумала, что дядя Тони, в которого она влюбилась, был человеком невнятным, неромантичным и не умеющим сладко говорить.

"Поэтому, учитывая наше желание дорожить настоящим, я искренне прошу вас обоих согласиться на то, чтобы я женился на вашей дочери". Твен выпрямился на диване и произнес эти слова серьезным тоном.

"Дядя Тони..." Шанайа не ожидала, что именно Твен заговорит о браке. Она думала, что в глубине души он не хочет жениться слишком быстро.

Мать Шанайи, казалось, собиралась что-то сказать, но ее остановил муж. Бруно Тенорио с улыбкой сказал: "Как и ожидалось от менеджера, который известен своим красноречием. Я не сомневаюсь в чувствах, которые вы испытываете к моей дочери, мистер Твен, точно так же, как я не сомневаюсь в чувствах, которые моя дочь испытывает к вам".

Просто ты когда-нибудь думал об этом, и я не ругаю тебя, но твое здоровье действительно вызывает беспокойство. Если в один прекрасный день ты вдруг... Что будет с нашей дочерью?"

"Папа!" Шанайа вскочила на ноги. Она была очень расстроена тем, что ее отец сказал такие слова.

Твен взял ее за руку и заставил сесть. Затем он повернулся лицом к Тенорио и сказал: "Я не могу ничего обещать на будущее. Поэтому я лишь сказал, что мои чувства к Шанайе не изменятся до самой моей смерти. Но, господин Тенорио, вы не думали об этом с другой стороны? Неважно, насколько здоровым может выглядеть человек, все равно наступит день, когда ему придется умереть. Может быть, они будут страдать от болезни сердца, как я, или от другой неизлечимой болезни, а может быть, попадут в автомобильную аварию или в какой-нибудь другой несчастный случай... Я ничем от них не отличаюсь. Никто не знает, когда он умрет, и никто не знает, каким образом он умрет. Вместо того чтобы беспокоиться о том, что будет после смерти, почему бы не прожить каждый день на полную катушку? Если страх перед тем, что будет после смерти, удерживает нас от женитьбы, то, думаю, никто никогда не женится". Он пожал плечами. "Но, пожалуйста, будьте уверены, что я не умру так легко, потому что я хочу насладиться всем временем, которое я могу провести с Шанайей. Это мое сердце... - он указал на свою левую грудь, и вдруг зазвучало мужественно, - это мое сердце работает на ядерном топливе! Продолжительность его радиоактивного полураспада будет равна продолжительности моей любви к Шанайе".

Шанайа от неожиданности обняла Твена сзади и зарылась лицом в его плечо. Она вдруг вспомнила слова, которые мистер Фасал сказал ей тем днем в Америке.

"Правда в том, что как только вы проложите себе путь в их сердца, вы получите самую теплую взаимность, какую только можно получить. Просто пираты обычно немного беспечны, поэтому они не обращают внимания на людей и вещи вокруг себя. Но как только они их замечают... Мне нужно начать ломать голову над тем, что лучше всего подарить вам обоим на свадьбу".

Услышав его слова, Бруно Тенорио протянул руки и улыбнулся своей жене. "Что еще мы можем сказать? Даже я в молодости не говорил тебе таких слов, Жизель. Продолжительность его радиоактивного полураспада была бы продолжительностью моей любви к тебе... Похоже, наша дочь нашла для себя самого лучшего партнера".

Он повернулся лицом к Твену с улыбкой на лице. "Но мистер Твен, готовы ли вы действительно называть меня "папой"?"

Твен вел себя сейчас как настоящий мужчина, но его слова ошеломили его.

Называть человека на несколько лет старше себя "папой"...

Шанайа продолжала прислоняться к его плечу. Ее мысли все еще были заняты признанием Твена, и она не понимала, в каком затруднительном положении оказался дядя Тони.

Твен не мог рассчитывать на помощь Шании. Некоторое время он стоял перед дилеммой, как ему поступить, но в конце концов решил сделать правильный выбор в этой ситуации.

Забудь об этом, мы же не каждый день встречаемся! Давайте просто представим, что мне сейчас по-прежнему 26 лет!

"Папа!" крикнул Твен, его голос звучал жестко.

Он не остановился на этом. Он повернулся к Жизель Тенорио и крикнул тем же тоном: "Мама!".

Брюс Тенорио разразился смехом и похлопал по жесткому телу Твена. "Вы хороший человек, мистер Твен. Я знаю, что точно могу оставить Джорди в ваших руках. Наслаждайтесь временем, которое у вас есть вместе!"

Твен расплылся в жесткой улыбке.

"Вы голодны? Пойдемте поедим. Будем считать, что это банкет по случаю вашей помолвки!"

Закончив свои слова, он помог жене подняться на ноги, после чего они вместе вышли на улицу.

Твен поднялся вслед за ними, но заметил, что Шанайа все еще прижимается к нему. Он повернул голову назад и увидел, что Шанайа подняла голову, ее щеки заметно покраснелись. Она выглядела очень смущенной, но в ее ярких глазах все еще был намек на лукавство.

"Хорошо, что я не забыла этот кусочек знаний по химии... Период полураспада урана 238 составляет 45 миллиардов лет. Дядя Тони, ты должен любить меня 45 миллиардов лет!".

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2071243>